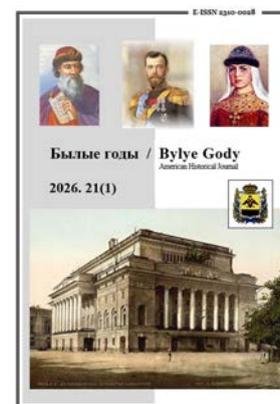

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 228-239
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.228

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Imagological Construct of the Armenian Press in the Discourse of Imperial Censorship (based on the Armenian Press of Tiflis, 1846–1914)

Taron R. Danielyan ^{a, *}, Sahakanush A. Petrosyan ^a

^aYerevan State University, Yerevan, Armenia

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of how censorship institutions of the Russian Empire in the Caucasus in the 19th and early 20th centuries constructed the image of Armenian journalism, shaping persistent administrative notions about its political significance, ideological sensitivity, and national-cultural specificity. The theoretical and methodological basis of the study is E. Said's postcolonial approach, R. Darnton's institutional concept of censorship, and the tools of historical imagology. This allows us to consider censorship not only as an instrument of informational, ideological, and aesthetic restrictions, but also as a means of creating the image of the “Other” in the imperial information and communication space. The empirical base consists of a corpus of 60 archival files from the Russian State Historical Archives and the National Archives of Georgia, including reports, meeting minutes, official correspondence, statistical reports, and judicial-administrative review materials. The analysis shows that censorship systematically shaped a stereotypical image of the Armenian press through thematic selection, rhetorical labels (“harmful trend”, “anti-Russian spirit”, “tendentiousness”), and statistics on detained publications. Subjects related to the Armenian question, foreign policy, church-religious affairs, and education – interpreted within an anti-state framework – were the most sensitive to censorship.

Keywords: imagology, Russian Empire, Main Directorate for Press Affairs, Caucasian Censorship Committee, Tiflis Committee for Press Affairs, Tiflis press.

1. Введение

Исторически армянская периодическая печать возникла и развивалась в условиях отсутствия собственной государственности и политической фрагментации, охватывая различные имперские и культурные пространства. Первый армянский журнал – «Аздарар» («Ազդարար»), изданный в 1794 г. в Мадрасе (Индия), положил начало журналистской традиции, а одним из важнейших очагов армянского типографского и журнального дела в течение XVIII–XIX вв. была Венеция, где действовали издания просветительской, богословской и историко-культурной направленности. Уже на раннем этапе армянская печать сформировалась как транснациональное явление и функционировала вне рамок единого национального государства. В XIX в. армянская журналистика особенно активно развивалась в двух крупных имперских ареалах – Османской и Российской империях. В каждом из этих пространств она сталкивалась с различными режимами нормативного регулирования, системой цензурных ограничений, а также с имперскими представлениями о допустимых формах выражения «Своего» (национального).

Несмотря на полицентричность и разнообразие условий, армянская пресса сохраняла устойчивую национально-ориентированную направленность. Она выступала не только как инструмент просвещения или народного единения, но и как трибуна для формирования национальной идентичности и общественной мысли, способной к диалогу с имперскими властными структурами.

* Corresponding author

E-mail addresses: tarondanielyan@ysu.am (T.R. Danielyan)

По мнению Эдварда Саида, имперская власть продуцирует знания о колонизируемых народах, конструируя их образ как «инакий» в эпистемологическом и культурном измерениях: «Язык представляет собой высокоорганизованную и кодированную систему, заключающую в себе множество способов выразить, показать, обменяться сообщениями и информацией, представить, т. е. репрезентировать нечто, и т. д. По крайней мере, в письменном языке отсутствует непосредственная презентация, но есть лишь репрезентация» (Саид, 2006: 38).

Принимая во внимание, предложенное Э. Саидом «контрапунктное» чтение (Саид, 2012: 155), армянская журналистика может быть рассмотрена как поле двойного кода: с одной стороны, как звено имперской информационно-коммуникационной системы, с другой – автономная система в имперском информационно-коммуникационном пространстве. В этом контексте цензура становится репрезентатором, который формировал имагологический образ армянской журналистики в Российской империи.

Имагология изучает не зеркальное отражение реальности, а репрезентации, обусловленные идеологическим, коммуникативным и институциональным контекстами (Van Doorslaer, 2019: 57-58). Конструирование образов часто опирается на впечатления и аргументированные обобщения. Эти факторы неизбежно сводят культуру, язык и ментальность разных народов к жёстким статичным образам, которые могут лишь частично соответствовать действительности или же полностью от неё отрываться (Mohamed, Alshammari, 2025: 1). В этом контексте особое значение приобретают источники, фиксирующие процессы восприятия и интерпретации чужого: «источником исторической имагологии могут являться архивные документы, мемуары, воспоминания, в которых отражены стереотипы восприятия иностранцев и иностранного» (Папилова, 2024b: 147).

Институциональная модель Роберта Дарнтона дополняет имагологический подход. По мнению Р. Дарнтон, «цензоры не только обращали внимание на все нюансы скрытого смысла, они учитывали и то, как напечатанный текст повлияет на общество» (Дарнтон, 2017: 334). Фактически, образ «национальной журналистики» конструировался показом количества сомнительных материалов того или иного органа печати.

Имагология «обобщает собранные элементы в единый образ» (Соппер, Фидаева, 2023: 153), который возникает как результат коммуникативного процесса, в котором смысл рождается в движении от адресанта к адресату и обратно. Образ формируется в пространстве интерпретации, где каждый участник коммуникации наделяет сообщение собственным смыслом (Spivey, 1990: 256).

В этом контексте образ армянской прессы конструировался не для самой прессы или читательского сообщества, а для высших административных инстанций. Цензорские отчёты, характеристики и справки создавались в логике вертикальной коммуникации, где ключевой целью было не объективное описание реальности, а аргументированное представление о ней. В данном контексте мы рассматриваем «оппозицию “свое-чужое” как социальное противопоставление» (Папилова, 2024a: 207) сотрудников иноэтнической прессы тем, кто наделён властью.

Следовательно, образ армянской журналистики в этих источниках следует рассматривать как имагологический конструкт, предназначенный для воспроизводства и легитимации системы контроля над печатью.

Мы учитываем также концепции Р. Луиса и А. Фернандеса и А. Урушадзе. Во-первых, конститутивные нормы общества создают условия для появления регулятивной власти. Эти уровни взаимно артикулированы: регулятивная цензура опирается на существующие властные структуры, тогда как конститутивное измерение постепенно интегрирует её институциональные правила в социальные отношения (Luís, Fernandes, 2024: 98). Во-вторых, «российская публичная сфера XIX века была пространством не только контроля, но и скрытой политической конкуренции между различными государственными акторами» (Урушадзе, 2024: 85).

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Национальном архиве Грузии (НАГ) (Тбилиси, Грузия). В рамках работы были привлечены документы следующих категорий:

а) отчёты о деятельности Кавказского цензурного комитета (с 1906 г. – Тифлисского комитета по делам печати), из которых были отобраны отчёты, относящиеся к периодической печати на армянском языке;

б) дела о цензурных рассмотрениях армянских периодических изданий Кавказского наместничества, включая переписку между Главным управлением по делам печати, Кавказским цензурным комитетом и местными административными структурами. В рамках указанных дел анализировались также письма издателей и редакторов армянских газет и журналов, направленные в цензурные и административные органы.

Важно отметить, что исследование осуществлялось исключительно на основе тех документов, доступ к которым был открыт, поскольку значительная часть материалов оказалась недоступной в связи с их физической повреждённостью либо нахождением на реставрации. Несмотря на

указанное ограничение, проанализированный корпус материалов является достаточным для получения репрезентативных и обоснованных выводов относительно имагологического аспекта цензурной практики.

Нами также были тщательно проверены и пересчитаны количественные данные цензурных отчётов. Ряд показателей был откорректирован вследствие выявленных упущений и технических неточностей, обнаруженных в документах.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период от появления первой армянской газеты Тифлиса – «Кавказ» – до начала Первой мировой войны, когда усиление политизации военно-цензурного контроля привело к многочисленным запретам. В этих условиях редакции не успевали отслеживать расширяющийся перечень запрещённых тем, что способствовало возникновению «белых пятен» (Алферова, Блохин, 2024: 11) и к заметному изменению тематического содержания, требующему отдельного исследования.

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий постколониальный анализ (Э. Саид) и институциональную перспективу (Р. Дарнтон). Применение идеи Э. Саида позволяет интерпретировать цензурный орган как репрезентативную инстанцию, формирующую образ «Другого» в рамках вертикальной письменной коммуникации. Обращение к подходу Р. Дарнтонна, в свою очередь, обеспечивает возможность рассматривать деятельность цензоров как интерпретативно-превентивную практику, определяющую механизмы конструирования образов «Других».

Эмпирическая часть исследования реализована с использованием сравнительно-исторического метода, позволяющего проследить специфику конструирования образа армянской прессы в различные юридическо-правовые периоды. Применялись также методы количественного и качественного анализа, обеспечившие выявление статистических характеристик, тематической селекции и особенностей риторики цензурных документов. Нами были тщательно проверены и пересчитаны количественные данные цензурных отчётов. Ряд показателей был откорректирован вследствие выявленных упущений и технических ошибок в документах. Использование историко-документального метода позволило выявить детерминированность процессов конструирования образа армянской прессы.

3. Обсуждение

В советские годы проблема взаимодействия армянской прессы и цензуры рассматривалась в различных исследовательских парадигмах. В 1950-е гг. историк С. Арешян изучала историю армянской печати и царской цензуры в контексте русско-армянских политических и культурных контактов. Особое внимание она уделяла тому, каким образом известные деятели обоих народов распространяли освободительные и революционные идеи вопреки действовавшим цензурным ограничениям. С. Арешян подчёркивала, что «борьба с цензурой была по существу борьбой с господствовавшей официальной идеологией, являвшейся политическим оружием в руках дворянской, а затем буржуазно-дворянской монархии» (Арешян, 1957: 5-6).

В 1970–1980-е гг. взаимоотношения цензуры и армянской прессы анализировались преимущественно через призму эволюции общественной мысли, рассматриваемой через историю создания, функционирования и прекращения отдельных периодических изданий. В оборот вводились также запрещённые цензурой материалы газет и журналов (Мхитарян, 1976). Подчёркивалось, что каждое периодическое издание той эпохи имело две стороны: опубликованные материалы, доступные читателю, и запрещённые материалы, представляющие не меньший интерес благодаря своей смелости, выразительности и «доминирующему мятежному духу» (Геворгян, 1982: 182).

Если в советские годы взаимоотношения цензуры и прессы рассматривались преимущественно с позиции классовой борьбы или идеологических расхождений между различными политическими направлениями, то в последующий период – уже в условиях независимой Армении – исследовательский фокус существенным образом изменился.

В 1990-е гг. анализировалась роль цензуры в формировании газетного контента, изучались запрещённые цензурой материалы, подчёркивалось влияние цензурных практик на становление механизмов самоцензуры у сотрудников прессы (Геворгян, 1996: 425).

В постсоветской армянской историографии цензура рассматривается прежде всего как инструмент подавления национальных идеологических проявлений. В поле внимания исследователей оказалась также деятельность цензурных органов и местной администрации в регулировании рынка полиязычной прессы в Кавказском регионе (Мхитарян, 1994; Мхитарян, 2002; Аракелян, 2004).

На современном этапе взаимосвязь цензуры и армянской прессы активно изучается специалистами по истории армянской книжной и периодической печати. В научный оборот вводятся новые архивные материалы, отражающие деятельность сотрудников Кавказского цензурного комитета (Даниелян, 2023; Сукиасян, Петоян, 2021). Цензура рассматривается как важное звено информационно-коммуникативного пространства Российской империи, игравшее ключевую роль в формировании количественных и качественных характеристик региональной прессы.

4. Результаты

4.1. Развитие армянской прессы и цензуры в Кавказском наместничестве

Столицей армянской интеллектуальной культуры в Российской империи на протяжении XIX и начала XX в. был Тифлис, являвшийся одновременно административным, типографским и идеологическим центром Закавказья. К концу XIX в. армянская пресса уже составляла до 30–40 % от общего числа периодических изданий в городе. За период с 1846 по 1914 г. в Тифлисе вышло в свет около 140 наименований газет и журналов (Бабляян, 1986). В исследуемый период система армянской прессы расширялась в пределах Кавказского наместничества: в разные годы периодические издания на армянском выходили в Шуши, Эчмиадзине, Ереване, Баку, Ахалкалаки, Ахалцихе, Александрополе, Горисе.

Армянская периодика демонстрировала высокую степень социального влияния. Она служила платформой для формирования национального самосознания, рефлексии над местом армян в имперской структуре, полемики по вопросам языка, образования, политики и религии. Благодаря своей сетевой структуре армянская печать становилась частью надрегионального культурного пространства, связывая Кавказ с городами Российской и Османской империй, а также западных стран. В разные годы на Кавказе получали также армянские газеты, выходящие в свет в разных странах мира. Однако эти издания также попадали в поле цензуры, и очень часто их ввоз в пределы Российской империи не разрешался цензурными комитетами.

Структурное развитие прессы и цензуры в период 1848–1914 гг. позволяет рассматривать их не просто как противостоящие институты, а как взаимозависимые элементы имперской публичной политики.

Кавказский цензурный комитет был учреждён решением от 18 декабря 1848 г. и начал функционировать в Тифлисе с 23 апреля 1849 г., войдя в состав Кавказского учебного округа. Изначально в его штате было всего два цензора – по европейским языкам и по «местным и восточным» (включая армянский, грузинский, татарский и персидский). Однако уже с 1860-х гг., в связи с ростом печатной продукции, структура комитета начала усложняться, менялась также иерархическая система цензуры. В 1882 г. он был подчинён Главному управлению по делам печати, что завершило утрату автономии (Biriukov et al., 2016).

До октября 1905 г. цензура носила предварительный характер: ни одно издание, включая отдельные статьи, объявления, афиши, каталоги и даже упаковки с текстами, не могло быть опубликовано без разрешения. Под пристальным вниманием цензуры была также аудиопродукция (граммофонные записи), а в дальнейшем и видеопродукция (синематограф), хотя закон прямо не регулировал данные рынки.

Цензура выступала фактором, существенно ограничивающим производственный процесс. В случае сомнений цензора, он единолично не принимал решения. Материалы передавались на общее рассмотрение Комитета. Статистические отчёты, регулярно направляемые в высшие государственные инстанции, были важным инструментом для конструирования официального представления об иноэтнической прессе Кавказского региона.

Через эти отчёты власти получали возможность очертить границы допустимой иноэтнической риторики, обозначая темы и образы, подлежащие цензурному контролю или исключению из публичного обсуждения. Как сами цензоры писали в высшие инстанции, запрещённые материалы составляют важный материал «для оценки духа газеты и свидетельствуют о том, что редактор хотел сказать, но не мог по независимым от него обстоятельствам» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 60об.). Рассмотрим статистику данных о рассмотрении дел Кавказским цензурным комитетом (Таблицы 1, 2, 3).

В первой таблице представлены количественные данные материалов, внесённых на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета 1882 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 571. Л. 24 об.–26), 1884 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 618. Л. 29–32), 1885 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 683. Л. 35–36), 1886 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 750. Л. 115–117), 1887 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 835. Л. 120), 1889 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1020. Л. 16), 1895 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1370. Л. 23–24), 1897 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1493. Л. 22–22об.), 1898 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1553. Л. 19–20), 1901 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1830. Л. 47–47об.), 1902 (НАГ. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1919. Л. 24–25), 1903 (Ф. 480. Оп. 1. Д. 1996. Л. 30–30об.) годов.

Отметим, что в цензурной статистике за 1898 г. указано 347 русских материалов, однако последующие данные показывают, что это – техническая ошибка, а в данных за 1901 г. перепутана статистика армянских и грузинских материалов. Данные прописаны наоборот.

Статистические данные заседаний Кавказского цензурного комитета демонстрируют устойчивую тенденцию к росту числа рассматриваемых материалов, что отражает расширение системы периодической печати и усложнение политической риторики в регионе. Усиление цензурной нагрузки свидетельствует о возрастании контроля со стороны имперской администрации, стремившейся регулировать всё более активную и идеологически насыщенную прессу Кавказа.

Таблица 1. Количество материалов, внесённых на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета

Годы	Внесено	Русский		Армянский		Грузинский		Татарский	
		Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.
1882	194	73	17	41	20	22	19	1	1
1884	273	137	19	43	2	41	30	1	
1885	604	347	54	118	4	58	23		
1886	1448	731	205	325	7	163	13	4	
1887	955	588	78	121	1	151	14	2	
1889	967	528	80	296	30	28	1	4	
1895	874	314	17	471	24	45	3		
1897	838	318	14	324	13	168	1		
1898	582	348	10	152	14	57	2		
1901	435	216	18	79	4	118	4		
1902	422	144	20	140	11	104	3		
1903	574	237	29	153	5	135	3	11	1

Таблица 2. Общее количество запрещённых и частично разрешённых материалов армянской прессы за 1882 и 1884 г.

ГОДЫ	Мшак	Меху Айастан	Ардзаганк	Нор-Дар	Тараз	Ахбюр	Мурч	Манкаваржаоц	Арараг	Лума
1882	18	23								
1884	5	6	8	23		2		1		

Таблица 2 отражает количественные данные материалов армянских газет и журналов, представленных на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета в 1882 и 1884 г. В сводных показателях за эти годы учтены как полностью запрещённые, так и частично разрешённые публикации. Таблица 3 демонстрирует количественные данные материалов армянских газет и журналов, представленных на рассмотрение заседаний Кавказского цензурного комитета в последующие годы. В ней отдельно приведены сведения о разрешённых и запрещённых публикациях, поступавших на рассмотрение комитета.

Анализ количественных данных показывает, что армянская пресса воспринималась имперскими структурами не просто как информационный ресурс, но прежде всего как главное коммуникационное средство, влияющее на формирование этнокультурной идентичности. Рост количества армянских изданий прямо коррелировал с усилением цензурного надзора, что подчёркивает их особое значение в контексте межнациональных и политических процессов на Кавказе. Высокий уровень запретов показывает, с одной стороны, восприятие властями этих материалов как угрозу социальной и политической стабильности, а с другой – подчёркивает значимость этих изданий в иноэтническом обществе, подтверждая их влияние на формирование национального самосознания.

Несмотря на большое количество отвергнутых статей в либеральной газете «Мшак» («Մշակ» – «Труженик», 1872–1921 гг.) и консервативной газете «Нор-Дар» («Նոր-Դար» – «Новый век», 1883–1913 гг.), за период 1882–1905 гг. единственное армянское издание, которое два раза подверглось восьмимесячному запрету, – это была консервативная газета «Ардзаганк» («Արձաղանկ» – «Эхо», 1882–1898 гг.). В 1898 г. после серии обвинений в «тенденциозном подборе статей» и «подрыве общественного порядка» А. Ованнисяну было запрещено впредь быть редактором или издателем какого-либо периодического издания. В цензурном комитете среди прочих причин отмечалось:

«Ардзаганк» постоянно стремился обойти требования цензуры путём одностороннего, крайне тенденциозного подбора статей, которые в общем сводились к закреплению характеризованного вредного антирусского направления. «За последние пять лет из представленных редакцией “Ардзаганк” статей задерживалось цензурой, в среднем, свыше ста в год» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 96-97).

Таблица 3. Количество запрещённых и разрешённых материалов армянской прессы за 1885–1903 гг.

ГОДЫ	Мшак		Меу Айастан		Ардзаганк		Нор-Дар		Тараз		Ахбюр		Мурч		Манкаваржа ноц		Арарат		Лума	
	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.	Запр.	Разр.
1885			10	2	28	1	73				7					1				
1886	89	5	22	1	24		182	1			6				2					
1887	36	1			17		62				6									
1889	89	14			50	8	123	7			12	1	22							
1895	137	7			141	12	169	5	16				8							
1897	115	3			84	5	74	5	37		3		8					3		
1898	47	4			3		64	6	26	2	1		6	2				4		
1901	28	1					41	3	3				5					2		
1902	49	4					57	4	26	3			3					5		
1903	31						71	1	30	2	4		7	2				6		4

Манифест 17 октября 1905 г. формально отменил предварительную цензуру и провозгласил свободу слова, совести и печати. «В огромной стране свобода печати стала осуществляться явочным порядком, несмотря на существовавшие законы и попытки властей сохранить цензурный контроль» (Патрушева, 2013: 331). Однако на практике вместо либерализации начался этап карательной цензуры: государство отказалось от фильтрации до публикации, но усилило репрессии после выхода материала.

Тифлисский комитет по делам печати продолжал работу в новом статусе, сохранив контрольные функции, теперь действуя в сотрудничестве с полицией и прокуратурой. Заметим, что в «Докладе о реорганизации надзора за печатью на Кавказе» отмечалось, что поспешность принятия закона 1906 г., изданного в период политической нестабильности, не позволила Министерству внутренних дел учесть региональные особенности Кавказа. Вследствие этого в тексте Высочайшего указа от 26 апреля 1906 г. была допущена ошибка: упомянут «Тифлисский цензурный комитет», переименованный в «Тифлисский комитет по делам печати», хотя в действительности существовал Кавказский цензурный комитет. Авторы доклада подчёркивали, что эта, на первый взгляд формальная неточность, отражала непонимание реального масштаба деятельности учреждения, контролировавшего не только тифлискую, но и всю многоязычную печать Кавказа (НАГ. Ф. 480. Оп. 3. Д. 323. Л. 1-2).

На этом этапе карательной цензуры были присущи следующие закономерности воздействия на прессу: приостановление изданий (например, газета «Горц» («Գործ»-«Дело») была приостановлена 10 июня 1909 г. Временным Тифлиским Генерал-Губернатором за вредное направление (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 53)), штрафование (например, газета «Мшак» 7 октября 1909 г. постановлением Временного Генерал-Губернатора была оштрафована на 300 руб. (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 53)), возбуждение уголовных дел против ответственных (например, 27 августа 1909 г. было возбуждено судебное преследование против газеты «Мшак». Был инкриминирован номер 139. Приговором Тифлиского окружного суда 29 декабря 1909 г. ответственный виновник должен был быть оштрафован в размере 5 рублей или арестован на сутки (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 586. Л. 61)).

В отчете Тифлиского комитета по делам печати за 1906 г. говорится, что за год общее направление тифлиских изданий было крайне оппозиционным, нередко переходившее в явно революционное. Данная тенденция проявлялась с особой интенсивностью в грузинской, русской и отчасти армянской прессе, а татарская и немецкая пресса (имевшие лишь по одному изданию) держались умеренного направления (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1907 г. Д. 2-1. Л. 76–76об.).

В том же самом отчёте сообщается, что помимо судебного преследования русская и туземная пресса подвергалась неоднократным административным взысканиям со стороны Временного Генерал-Губернатора. Несмотря на принятые меры, борьба с преступными проявлениями печати оказалась безуспешной: вместо закрытых изданий появлялись новые, под другими названиями и редакторами, продолжавшие ту же пропаганду; начало 1907 г. ознаменовалось рядом революционных статей и привлечением к суду семи местных газет (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1907 г. Д. 2-1. Л. 76–76об.).

4.2. Тематическая селекция как средство конструирования образа армянской прессы

Как известно, из большого массива текстов цензоры пропускали в печать лишь те, которые соответствовали представлениям о приемлемом, а в отчётах и переписке фиксировали только тексты с идеологическими признаками «опасного» содержания. Тем самым сам процесс отбора становился средством аккумуляции журналистских материалов, репрезентировавших армянскую прессу в оппозиционном ключе. Постепенно совокупность этих текстов превращалась в некий содержательный конструктор, формировавший устойчивый образ армянской печати.

В армянской прессе можно выделить несколько тем, к которым цензура относилась с особой осторожностью:

а) Тема объединения армян Российской и Османской империй. Здесь интересна трансформация образа прессы в контексте судьбы армян Османской империи и концепции независимой государственности. До 1905 г. публикации о Турции и судьбе турецких армян зачастую трактовались как сепаратистские. После Берлинского договора 1878 г., по мнению властей, это движение затронуло и русских армян, часть которых прониклась «несбыточными мечтаниями о будущем восстановлении единства и самостоятельности как турецкой, так и русской Армении» (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 614. Л. 407об.). Цензура отмечала, что в армянской среде Кавказа возникали кружки под видом благотворительных, но с целью поддержки турецких армян через материальную помощь и публикации «армяно-патриотического направления» в печати (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 137. Л. 89-91).

Даже в относительно нейтральных материалах чиновники старались уловить опасные намёки. Такие публикации, как правило, отправлялись в Санкт-Петербург для экспертного мнения. Так, в отчёте Н. Я. Марра от 18 сентября 1889 г. по поводу № 34 журнала «Ардзаганк» подчёркивалось, что в передовой статье не обнаружено «мнимого воссоединения русских и турецких армян», а подозрительные тексты оказывались «невинными с цензурной точки зрения», выражая лишь внутриаполитическую полемику (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 75. Л. 24).

После революции 1905 г. и политических перемен в Османской империи (приход к власти младотурков в 1909 г.) ситуация изменилась. Цензоры констатировали снижение политической активности армянской прессы: после резни в Адане и арестов членов партии Дашнакцутюн деятельность газет сосредоточилась на вопросах национального существования и культурного развития. В отчётах всё чаще отмечалось падение авторитета партии Дашнакцутюн, обвиняемой в подрыве церковных основ и в ущербе обществу. Многие издания, связанные с революционным движением, прекратили существование (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 150-155).

В этих условиях особое внимание цензоров привлекали газеты «Мшак» и «Оризон» («Հորիզոն» – «Горизонт», 1909–1918 гг.). Оба издания связывали решение вопроса армян Османской империи с установлением протектората России над армянскими провинциями Турции.

б) Внешнеполитическая ориентация армянской прессы, по наблюдениям цензоров, во многом проходила через призму «армянского вопроса», который становился своеобразной красной линией в обсуждении международных отношений и формирования образов разных стран. Так, по мнению цензоров, газета «Нор-Дар» представляла Англию как единственную державу, «верную Турции» и готовую устранить угрозу с российской стороны через проект независимой Армении. Одновременно критиковалась Франция, которая, будучи связанной франко-русским союзом и политикой «ретроградных правителей», не проявляла должной активности, противореча тем самым собственным революционным традициям 1789 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 83. Л. 26-27).

Цензурные отчёты отмечали значительное число статей, где осуждались турецкие зверства и безразличие великих держав, за исключением Англии. Упоминалась и деятельность англо-армянских комитетов. В газете «Мшак» («Политическая беседа») подчёркивалось, что русская дипломатия «понесла ряд поражений, одно хуже другого», действуя совместно с Турцией и нарушая «естественные и священные права» подданных. Подобные публикации рассматривались как попытка политического пробуждения и интерпретировались цензурой в качестве проявления антироссийских настроений (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1910 г. Д. 58 б. Л. 150-155).

в) Вопросы Армянской апостольской церкви и духовенства в армянской печати конца XIX – начала XX в. имели многовекторный характер и представляли собой одну из наиболее чувствительных зон цензурного контроля. До 1890-х гг. Армянская церковь самостоятельно контролировала издания религиозного содержания, однако впоследствии их выпуск был подчинён общей цензуре, при этом за церковью сохранялось право первичного рассмотрения текстов. Фактически, церковь утратила монополию на регулирование религиозной печати и оказалась встроена в имперскую систему цензурного надзора, где её голос имел вспомогательный, а не

определяющий характер. Особое внимание уделялось выборам католикоса и патриарха, любое обсуждение которых воспринималось как угроза имперской стабильности. Противоречивая ситуация сложилась в 1908-1910-х гг. Клерикальные издания («Айреник» («Հայրենիք» – «Родина»), «Овив» («Ուիվի» - «Пастырь»)), защищавшие права церкви, цензурой рассматривались подозрительными за обвинения во «вмешательстве государства» в дела армянской церкви (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1909 г. Д. 57. Л. 218-220), а прогрессивная пресса («Мшак», «Оризон»), требовавшая реформ в церковной жизни, рассматривалась как подрывная (РГИА. Ф. 776. Оп. 21-2. 1913 г. Д. 1.1. Л. 265-265об.).

г) Одной из ключевых зон внимания кавказской цензуры в XIX в. стали вопросы школы и образования. В отчётах и переписке неоднократно отмечалось, что армянские учителя и учебные заведения являлись каналами формирования национального самосознания и, следовательно, рассматривались как потенциальный источник «сепаратистских тенденций» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Особое внимание уделялось печатным органам, где обсуждались реформы армянских школ. Газета «Нор-Дар», например, резко критиковала распоряжения католикоса, касающиеся учителей и школьных программ, что трактовалось как возбуждение общественного недовольства и как предоставление материала турецким газетам для нелепых нападок на русское правительство (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Цензурные органы также реагировали на попытки публиковать учебные тексты или педагогические материалы, в которых усматривались признаки «армяно-патриотической направленности». Примечателен случай с журналом «Ахпюр» («Աղբյուր» – «Родник»), педагогическим изданием для детей, чьи номера неоднократно изымались за скрытое воспроизведение тематики закрытия армянских школ, а также за уклонение от установленной программы. Таким образом, даже материалы, ориентированные на юного читателя, становились объектом контроля (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 78. Л. 21-24).

В совокупности школа и образование воспринимались цензурой как стратегическая сфера: через неё армянская интеллигенция пыталась модернизировать общество, а цензоры – ограничить поле возможных идеологических интерпретаций.

В материалах фиксировались случаи, когда даже благотворительные спектакли или школьные постановки приобретали политическую окраску. Так, в ряде городов (Шуши, Гори и др.) на сцене исполнялись пьесы, в которых изображался русский офицер-угнетатель или представлялись «развалины Армении», сопровождаемые аллегорическими фигурами свободы и национального возрождения. Цензоры квалифицировали подобные сюжеты как разжигание национального чувства и «безотчётной ненависти к настоящему политическому положению» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883 г. Д. 83. Л. 17-18).

Архивные документы доказывают, что негативные отношения между редакциями и цензурой зачастую имели межличностный характер, выходя за рамки сугубо административных разногласий. Так, например, в одном анонимном письме с подписью «Преданные лица Благодетельного правительства» авторы обвиняли в предвзятости сотрудников Кавказского цензурного комитета, где, по мнению авторов, цензор А. Кишмишев покровительствовал газете «Нор-Дар», ограничивая «Мшак». Упоминается также родственная связь А. Кишмишева с цензором Г. Карахановым, что, как отмечалось, подрывало принцип беспристрастности (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 137. Л. 187-189). Армянское происхождение цензоров придаёт описанному конфликту впечатление внутреннего отчуждения, когда представители национальной среды выступают в качестве персон имперского контроля. В данном случае формируется образ «внутреннего Другого».

4.3. Риторические приёмы цензуры

В отчётах и письмах Кавказского цензурного комитета активно использовались устойчивые словесные формулы, служившие инструментом быстрой маркировки печатных изданий и их идеологических направлений. Характерной особенностью работы цензуры было стремление не только ограничить содержание, но и выработать устойчивый репертуар аргументов. Отчёты о задержании статей повторяли одни и те же формулировки, создавая впечатление постоянного наличия «опасных» элементов в армянской печати. В результате сама процедура цензурного контроля превращалась в конструирование образа прессы как политически подозрительной и потенциально враждебной.

Так, например, газета «Ардзаганк» воспринималась в качестве органа «вредного антирусского направления», проводящего «исключительно армянские» тенденции, чуждые «единению с русской жизнью». По оценке цензоров, издание являлось прямым выразителем взглядов партии «Молодая Армения», цель которой виделась в национальном возрождении и противодействии «органическому слиянию армян с общеимперскими элементами» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 87).

Подобные характеристики применялись и к другим печатным органам. В частности, газета «Нор-Дар» представлялась в отчётах как орган той же партии армянской интеллигенции – «Молодая Армения». Цензоры отмечали, что своими публикациями это издание возбуждало армянское общество и одновременно снабжало материалы армянские газеты, выходившие в

Османской империи, для «нелепых пререканий на русское правительство» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 83. Л. 17–18).

Очевидна повторяемость некоторых ключевых выражений и словесных штампов в отчётах и переписках цензуры: «вредное направление», «тенденциозная газета», «антирусская по духу», «враждебное направление», «возбуждает общество», «разжигает национальное чувство», «сепаратистские тенденции», «опасная для государственного порядка», «орган революционной партии». Эти выражения составляли ядро цензурной риторики, нередко позволяя цензорам маркировать армянскую печать без детального анализа содержания.

Поэтические тексты рассматривались как скрытая форма агитации. Так, например, стихотворение, задержанное 13 декабря 1893 г., содержало метафоры «бури», «рассвета» и «победы», которые были истолкованы как аллегорический призыв к политической мобилизации. Для цензоров подобные образы становились революционными кодами, даже если прямые призывы отсутствовали.

«Мы шли вместе по одному пути, // И ты усталый остановился в унынии, // Ты сказал, “смотри, мрачное небо, // Готовит нам грозную бурю”. // Пусть стущаются грозные тучи, // Грохочет гром, сверкает молния, // Не падай духом, иди вперед невозмутимо. // Знай, товарищ, с рассветом до цели дойдем, // И все дойдут, трудный путь позади нас. // На мгновенье зашло золотое солнце, // Ах не обольщайся ее минутным блеском, // Судьба сулит нам много испытаний, /.../ Земля, удобренная кровью павших в муках, родит новые плоды, // Настанет день. Минует буря, // И сыны наши одержат победу» (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 62).

Особое внимание было также к дизайну газет: цензура считала неуместными символические средства выражения. Например, по случаю кончины армянского Патриарха Нерсеса на воскресный номер по требованию А. Ованнисяна была наложена траурная рамка без разрешения цензуры. Вследствие этого билет на выпуск номера не был выдан. Издатель силой взял номер из типографии и выпустил его без предварительного разрешения (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1883. Д. 75. Л. 87). Цензура визуальные элементы трактовала как политические знаки.

Символические изображения, вроде картин «Слава Армении» или «Душа Армении», рассматривались в качестве скрытой агитации за восстановление армянского царства (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1509. Л. 1-5), и строго контролировалась также реклама данной продукции.

Публикации, посвящённые турецкому вопросу, трактовались в логике политической нелояльности, даже если они были насыщены культурным или филантропическим содержанием.

Особое внимание уделялось публикациям, разоблачающим внутренние проблемы имперских учреждений. Так, например, в статье «Педагог-культуртрегер» (Один образцовый педагог. 1897. № 140) сообщалось о поступке учителя латинского языка ростовской гимназии Забежкина, за который он был уволен со службы, а директор гимназии получил замечание от попечителя. Суть происшествия заключалась в том, что педагог, объясняя в классе слово *salsus*, привёл фразу «*Incolae Armeniae sal sunt*» и добавил: «Это значит – жители Армении солёные» или «армяне солёные». Акцент на слове «солёные» произвёл среди учеников – русских и евреев (в статье ученики – евреи, а в объяснительной записке А. Ованнисяна вместо «евреев» – «грузины», так он рассказывал о тифлисских реалиях) – такой эффект, что они долго смеялись вместе с учителем; после окончания уроков слово *salsus* стало их любимым, и ни одного армянского ученика они не пропускали, не спросив о значении этого слова.

Цензор, пропуская данную заметку, не мог знать, что в одной из тифлисских гимназий действительно работает учитель латинского языка по фамилии Забежкин, против которого и была направлена эта публикация. Узнав об этом, цензор немедленно предложил редактору «Ардзаганка» представить номер газеты «Приазовский край», из которого, как утверждалось, было перепечатано это известие. По прошествии двух недель А. Ованнисян прислал прилагаемое объяснение своего поступка, назвав его «литературным приёмом», так как цензурный комитет не допускает к печати какие-либо сведения, касающиеся неприглядных сторон внутренней жизни учебных заведений, подведомственных попечителю Кавказского учебного округа, вне зависимости от степени достоверности этих сведений (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 75. Л. 86–86а).

5. Заключение

Цензурная система Российской империи на Кавказе не только ограничивала содержание армянской прессы, но и репрезентировала устойчивый образ этой прессы как потенциально неблагонадёжной. Повторяющиеся риторические формулы в отчётах цензоров создавали стереотипизированный образ, в котором описание подменялось идеологической интерпретацией. Статистические данные о запретах служили инструментом обоснования необходимости усиленного контроля и отражали прежде всего тревожность цензоров. Тематика запрещённых материалов – армянский вопрос, внешняя политика, церковные споры и школьные реформы – усиливала представление о прессе как возможном источнике национальной мобилизации. После 1905 г. карательная модель надзора воспроизвела ранее сложившийся образ прессы, демонстрируя устойчивость административного восприятия вне зависимости от правового режима. Таким образом,

цензурные материалы выступают не только источником о деятельности прессы, но и средством имперской репрезентации образа армянского печатного слова.

6. Благодарности

Исследование поддержано Комитетом высшего образования и науки РА (Исследовательский проект № 24SSAH-5H001).

Литература

Алферова, Блохин, 2024 – Алферова И.В., Блохин В.Ф. Печать, военная тайна и престиж власти: один день из жизни российской военной цензуры времен Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2024. № 1 (79). С. 6-30. DOI: 10.54770/20729286_2024_1_6

Аракелян, 2004 – Аракелян А.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. СПб.: Роза мира, 2004. 235 с.

Арешян, 1957 – Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1957. 516 с.

Баблюян, 1986 – Баблюян М.А. Армянская периодическая печать: сводный библиографический каталог (1794-1980). Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1986. 371 с. (на арм. яз.) [Գաբրիելյան Մ.Ա. Հայ պարբերական մամուլը. Մատենագիտական համահավաք ցուցակ (1794-1980), Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1986, 371 էջ].

Геворгян, 1982 – Геворгян Л. Журнал «Мурч». Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1982. 313 с. (на арм. яз.) [Գևորգյան Լ. «Մուրճ» ամսագիրը. Երևան. Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատ., Երևան, 1982, 313 էջ].

Геворгян, 1996 – Геворгян Л. Григор Арцруни и его «Мшак». Ереван: Гитутюн, 1996. 448 с. (на арм. яз.) [Գևորգյան Լ. Գրիգոր Արժրունիի և նրա «Մշակը». Երևան, Գիտություն, 1996, 448 էջ].

Даниелян, 2023 – Даниелян Т.Р. Деятельность цензора С. Мелик-Меграбова в Кавказском цензурном комитете (1872–1890 гг.) // *Вестник МГУ: Серия 10. Журналистика*. 2023. № 1(48). С. 164-187.

Дарнтон, 2017 – Дарнтон Р. Цензоры за работой. Как государство формирует литературу (пер. с англ. М. Солнцевой). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 384 с.

Мхитарян, 1976 – Мхитарян М. Из истории восточной армянской периодической печати второй половины XIX века («Пордз», «Ардзаганк»). Ереван: Изд. АН Арм ССР, 1976. 558 с. (на арм. яз.) [Մխիթարյան Մ. XIX դարի երկրորդ կեսի արևելահայ պարբերական մամուլի պատմությունից («Փորձ» և «Արձագանք») Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1976].

Мхитарян, 1994 – Мхитарян М. Возникновение восточной армянской печати и просветительское движение первой половины XIX века. Ереван: Гитутюн, 1994. 398 с. (на арм.яз.) Մխիթարյան Մ. [Արևելահայ մամուլի սկզբնավորումը և լուսավորական շարժումը XIX դարի առաջին կեսին, Երևան, Գիտություն, 1994, 398 էջ].

Мхитарян, 2002 – Мхитарян М. Журнал «Айкакан ашхар» Хорена Степане. Ереван: Кннасер, 2002. 114 с. (на арм.яз.) [Մխիթարյան Մ. Խորեն Ստեփանեի «Հայկական աշխարհ» ամսագիրը. Երևան, Քննասեր, 2002, 112 էջ].

НАГ – Национальный архив Грузии.

Один образцовый педагог, 1897 – Один образцовый педагог // *Ардзаганк*. 1897. № 140. (на арм. яз.) [Մի օրինակելի մանկավարժ // Արձագանք. 1897. № 140].

Папилова, 2024a – Папилова Е.В. Имагология в рамках филологии // *Art Logos* (искусство слова). 2024. № 1. С. 204–213. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_204

Папилова, 2024b – Папилова Е.В. Категориальный аппарат имагологии // *Имагология и компаративистика*. 2024. № 22. С. 145-155. DOI: 10.17223/24099554/22/9

Патрушева, 2013 – Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Саид, 2006 – Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока (пер. А. В. Говорунова). СПб.: «Русский Миръ», 2006. 637 с.

Саид, 2012 – Саид Э.В. Культура и империализм (пер. А. В. Говорунова). СПб.: Владимир Даль, 2012. 736 с.

Сопнер, Фидаева, 2023 – Сопнер Ж.О., Фидаева Л.И. Ориентализм Н.С. Гумилева сквозь призму имагологии // *Вестник филологических наук*. 2023. Том 3. № 7. С. 153-155.

Сукиасян, Петоян, 2021 – Сукиасян А., Петоян С. Книгоиздание в Восточной Армении (1828–1918 гг.) (сборник статей). Ереван, 2021. 238 с. (на арм.яз.) [Սուքիասյան Հ., Պետոյան Սո. Գրատպությունը Արևելյան Հայաստանում 1828-1920 թվականներին (հոդվածների ժողովածու), Երևան, 2021, 238 էջ].

Урушадзе, 2024 – Урушадзе А.Т. Кавказская война в российской публичной сфере (1801–1864) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8. № 1. С. 85-126.

- Biriukov et al., 2016** – *Biriukov P.N., Ustinovich E.S., Shelengovskiy P.G.* Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 39, Is. 1. Pp. 166-172.
- Luís, Fernandes, 2024** – *Luís R., Fernandes A.* Has the concept of censorship gone astray? How to operationalize muddy waters? Half a century of censorship in Portugal // *Journal of Iberian and Latin American Studies*. 2024. 30(1): 97-113. DOI: <https://doi.org/10.1080/14701847.2024.2320544>
- Mohamed, Alshammari, 2025** – *Mohamed S.A. Aly, Alshammari A.S.* Representative Images of Saudi Arabia and Saudis: An Imagological Study of Some Selected Novels in English // *World Journal of English Language*. 2025. 15(4): 1. DOI: <https://doi.org/10.5430/wjel.v15n4p1>
- Spivey, 1990** – *Spivey N.N.* Transforming Texts: Constructive Processes in Reading and Writing. *Written Communication*. 1990. 7: 256-287. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741088390007002004>
- Van Doorslaer, 2019** – *Van Doorslaer L.* Embedding imagology in Translation Studies // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2019. Т. 10. № 3. С. 56-68. DOI: [10.5922/2225-5346-2019-3-4](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2019-3-4)

References

- Alferova, Blokhin, 2024** – *Alferova, I.V., Blokhin V.F.* (2024). Pechat', voennaya taina i prestizh vlasti: odin den' iz zhizni rossiiskoi voennoi tsenzury vremen Pervoi mirovoi voiny [The press, military secrecy and prestige of the power: one day in the life of russian military censorship during the First World War]. *Novyi istoricheskii vestnik*. 1: 6-30. DOI: [10.54770/20729286_2024_1_6](https://doi.org/10.54770/20729286_2024_1_6) [in Russian]
- Arakelyan, 2004** – *Arakelyan, A.A.* (2004). Inoetnicheskaya pressa v Rossii. Po materialam armyanskoi pechati [Foreign-Ethnic Press in Russia. Based on Armenian Press Materials]. SPb: Roza mira. [in Russian]
- Areshyan, 1957** – *Areshyan, S.G.* (1957). Armyanskaya pechat' i tsarskaya tsenzura [The Armenian press and tsarist censorship]. Erevan: Izd-vo AN Armyanskoi SSR. [in Russian]
- Babloyan, 1986** – *Babloyan, M.A.* (1986). Hay parberakan mamuly. Matenagitakan hamahavaq cucak (1794–1980) [Armenian Periodicals: A Union Bibliographic Catalog (1794–1980)]. Yerevan: Publ. Academy of Sciences of the Arm. SSR. 371 p. [in Armenian]
- Biriukov et al., 2016** – *Biriukov, P.N., Ustinovich, E.S., Shelengovskiy, P.G.* (2016). Censorship and Printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 39(1): 166-172.
- Danielyan, 2023** – *Danielyan, T.R.* (2023). Deyatel'nost' tsenzora S. Melik-Megrabova v Kavkazskom tsenzurnom komitete (1872–1890 gg.) [The activities of censor S. Melik-Mehrabov in the Caucasus censorship committee (1872–1890)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1: 164-187. DOI: [10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.164187) [in Russian]
- Darnton, 2017** – *Darnton, R.* (2017). Tsenzory za rabotoi. Kak gosudarstvo formiruet literaturu [Censors at Work: How States Shaped Literature] (Translated from English by M. Solntseva). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- Gevorgyan, 1982** – *Gevorgyan, L.* (1982). «Murch» amsagiry [“Mshak” magazine]. Yerevan: Publ. House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. [in Armenian]
- Gevorgyan, 1996** – *Gevorgyan, L.* (1996). Grigor Artcrunin ev nra «Mshaky» [Grigor Artsruni and his "Mshak"]. Yerevan: Gitutyun. [in Armenian]
- Mkhitarian, 1976** – *Mkhitarian, M.* (1976). 19-rd dari erkrord kesi arevelahay parberakan mamuli patmutyunic («Pordz» ev «Ardzaganq») [From the history of the Eastern Armenian periodical press of the second half of the 19th century ("Pordz", "Ardzaganq")]. Yerevan: House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR. [in Armenian]
- Mkhitarian, 1994** – *Mkhitarian, M.* (1994). Arevelahay mamuli skzbnavorumy ev lusavorakan sharzhumy 19-rd dari arajin kesin [The emergence of the Eastern Armenian press and the educational movement of the first half of the 19th century]. Yerevan: Gitutyun. [in Armenian]
- Mkhitarian, 2002** – *Mkhitarian, M.* (2002). Khoren Stepanei «Haykakan ashkharh amsagiry» [Magazine “Haykakan Ashkhar” by Khoren Stepane]. Yerevan: Qnnaser. [in Armenian]
- NAG** – Natsional'nyi arkhiv Gruzii [National Archives of Georgia].
- Odin obrazcovyj pedagog, 1897** – Mi orinakeli mankavarzh [One exemplary teacher]. *Ardzaganq*. 1897. № 140. [in Armenian]
- Papilova, 2024a** – *Papilova, E.V.* (2024). Imagologiya v ramkakh filologii [Imagology within Philology]. *Art Logos (iskusstvo slova)*. 1: 204-213. DOI: [10.35231/25419803_2024_1_204](https://doi.org/10.35231/25419803_2024_1_204)
- Papilova, 2024b** – *Papilova, E.V.* (2024). Kategorial'nyi apparat imagologii [Categorical apparatus of imagology]. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 22: 145-155. DOI: [10.17223/24099554/22/9](https://doi.org/10.17223/24099554/22/9) [in Russian]
- Patrusheva, 2013** – *Patrusheva, N.G.* (2013). Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The Censorship department in the state System of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. SPb: Severnaya Zvezda. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Said, 2012** – *Said, E.V.* (2012). Kul'tura i imperialism [Culture and imperialism] (Translated from English by A. V. Govorunova). SPb: Vladimir Dal'. [in Russian]

- Said, 2006** – *Said, E.V.* (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism: western concepts of the east] (Translated from English by A. V. Govorunova). SPb: Rucckii Mir". [in Russian]
- Sopper, Fidaeva, 2023** – *Sopper, Zh.O., Fidaeva, L.I.* (2023). *Orientalizm N.S. Gumileva skvoz' prizmu imagologii* [Orientalism of N.S. Gumilev through the prism of Imagology]. *Philological Sciences Bulletin*. 3: 153-155. [in Russian]
- Spivey, 1990** – *Spivey, N.N.* (1990). *Transforming Texts: Constructive Processes in Reading and Writing. Written Communication*. 7: 256-287. DOI: <https://doi.org/10.1177/0741088390007002004>
- Suqiasyan, Petoyan, 2021** – *Suqiasyan, A., Petoyan S.* (2021). *Gratputyuny Arevelyan Hayastanum 1828-1920 tvakanerin (hodvatsneri zhoghovatsu)* [Book publishing in Eastern Armenia (1828-1918). (Collection of articles)]. Yerevan. [in Armenian]
- Urushadze, 2024** – *Urushadze, A.T.* (2024). *Kavkazskaya voyna v rossiiskoi publichnoi sfere (1801–1864)* [The Caucasian war in the Russian public sphere (1801–1864)]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. 8(1): 85-126. DOI: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-3> [in Russian]

Имагологический конструкт армянской прессы в дискурсе имперской цензуры (на примере армянской прессы Тифлиса 1846–1914 гг.)

Тарон Рудольфович Даниелян ^{a, *}, Саакануш Ашотовна Петросян ^a

^a Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу того, как цензурные институты Российской империи на Кавказе в XIX – начале XX в. конструировали образ армянской журналистики, формируя устойчивые административные представления о её политической значимости, идеологической чувствительности и национально-культурной специфике. Теоретико-методологическую основу исследования составляют постколониальный подход Э. Саида, институциональная концепция цензуры Р. Дарнтон и инструментарий исторической имагологии, что позволяет рассматривать цензуру не только как орган информационных, идеологических, эстетических ограничений, но и как средство создания образа «Другого» в имперском информационном пространстве. Эмпирическую базу составляет корпус из 60 архивных дел Российского государственного исторического архива и Национального архива Грузии, включающий отчёты, протоколы заседаний, служебную переписку, статистические сводки и материалы судебно-административного контроля. Анализ показывает, что цензура систематически формировала стереотипизированный образ армянской прессы посредством тематической селекции, риторических маркировок («вредное направление», «антирусский дух», «тенденциозность») и статистики задержанных публикаций. Наиболее чувствительными для цензурного надзора выступали сюжеты, связанные с армянским вопросом, внешнеполитическими темами, церковно-религиозной сферой и проблемой образования – интерпретируемые в антигосударственной модели. Важным элементом репрезентации был феномен «внутреннего Другого»: армянские цензоры, действовавшие от имени государства, становились посредниками между государственной властью и собственным народом, что усиливало проблему межличностных отношений и межредакционных конфликтов. Показано, что после отмены предварительной цензуры в 1905 г. карательная модель надзора воспроизвела ранее сложившийся образ армянской прессы. Фактически, независимо от правового режима, имперская модель репрезентации образа армянской прессы оставалась идентичной.

Ключевые слова: имагология, Российская империя, Главное управление по делам печати, Кавказский цензурный комитет, Тифлисский комитет по делам печати, пресса Тифлиса.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tarondanielyan@ysu.am (Т.Р. Даниелян)